

Литературоведение

УДК 821.161.1.09-7(045)

Т.В. Зверева

«НЕЗЛОБНАЯ ШУТКА» И. И. ДМИТРИЕВА: К ВОПРОСУ О ЖАНРОВОЙ РАЗНОВИДНОСТИ РУССКОГО ТРАВЕЛОГА

Данная статья обращена к проблеме жанровой разновидности русского травелога. В центре внимания исследования – шуточное стихотворение И. И. Дмитриева «Путешествие NN в Париж и Лондон, написанное за три дни до путешествия». В исследовании доказываемся, что данный текст является «двойной пародией», объектом которой стала и европейская поездка В. Л. Пушкина, и роман Н. М. Карамзина «Письма русского путешественника». Дмитриев обыграл принципы построения карамзинского романа (прежде всего, его установку на первичность вымысла). Европейское путешествие Василия Львовича началось с шутки и стало первым в истории русской культуры литературоцентричным путешествием. Отсутствие референтного плана указывало на фиктивный характер описываемого путешествия, однако за фиктивным путешествием последовала реальная поездка В.Л. Пушкина, повторившая путь, прочерченный в карамзинском романе. И если Карамзин до конца не осознал действительность и смыслопорождающий потенциал подобной структуры, то Дмитриев обнажил его и сделал прием видимым для читателя.

Ключевые слова: травелог, жанр, предромантизм, пародия, мистификация.

В 1803 г. И. И. Дмитриев посвящает своему другу В. Л. Пушкину небольшое стихотворение. «Путешествие NN из Парижа и Лондона, писанное за три дни до путешествия» – это одновременно и текст-мистификация, и дружеское послание, и откровенная игра с посвященным читателем, и пародия на В. Л. Пушкина, и спор с Карамзиным, и пародия на жанр путешествия¹.

Еще задолго до появления «Арзамаса» в русской культуре стали вырабатываться игровые принципы отношения к жизни и литературе. Отчасти подобное поведение было связано с общей установкой эпохи на театральность, о которой подробно писал Ю. М. Лотман [7]. Василий Львович Пушкин стал объектом многочисленных шуток и пародий. Показательна его реакция на них – дядя великого русского поэта умел держать себя в руках и никогда не забывал, что на него устремлены взоры современников. Даже в последнюю минуту он ощущал себя не на смертном одре, а на театральной площадке. П. В. Анненков приводил легенду, что в свой последний час Василий Львович с трудом добрался до книжного шкафа, извлёк издание песен Беранже и умер с книгой в руках [1. С. 28]. Его смерть – последний эффектный жест, рассчитанный на аплодисменты зрителя.

В год написания шуточного стихотворения В. Л. Пушкин потерпел фиаско на любовном фронте. История краха семейных отношений также не лишена черт театральности. Супруга Василия Львовича увлеклась хрустальным магнатом. После получения из его рук букета из хрустальных роз она навсегда покинула семейный очаг, оставив безутешного поэта оплакивать свою горькую судьбу. Друзья уговорили Василия Львовича съездить в Европу, чтобы развеять мрачные мысли. В преддверии будущего европейского путешествия Дмитриев и пишет свой «маленький альбом». Так выглядит общепринятая версия поездки, однако, в действительности цель пушкинского вояжа ясна не до конца. Имеется предположение, что путешествие было масонским (вокруг поездки Н. М. Карамзина также ходили слухи о ее масонской цели). Как бы то ни было, но путешествие, действительно, развеяло Василия Львовича. Вернулся он из него посвежевшим и полным планов на дальнейшую жизнь.

Два письма В. Л. Пушкина из Парижа и из Берлина были опубликованы в «Вестнике Европы». Поэт описывал свое европейские впечатления, явно ориентируясь на эстетические предпочтения Карамзина. Письма свидетельствуют о том, что их автор не только хорошо усвоил манеру и стиль карамзинского романа, но и осуществил буквальное путешествие по его страницам. «Паломничество по

¹ Данное произведение И. И. Дмитриева не было единичным. Пародии на жанр путешествия – одно из существенных отличий литературного процесса начала XIX в. В частности, следует отметить перевод Ксавье де Местра «Путешествие по моей комнате» (1803), анонимный перевод «Путешествие моего двоюродного брата в карманы», а также произведение Н. Брусилова «Мое путешествие. Приключения одного дня» (1803).

следам Карамзина», – так сам Василий Львович охарактеризовал свою поездку. В карамзинских «Письмах» была задана идеальная траектория путешествия, на долгие годы предопределившая как пространственный вектор, так и внутреннюю – нравственную – составляющую европейской поездки. Но если путешественник Карамзина – это, по точному выражению Ю. М. Лотмана, человек с книгой в руках, то путешественник В. Л. Пушкина – это человек с карамзинским романом в руках. Вслед за Карамзиным в двух письмах описаны визиты к именитым персонам, посещение спектаклей и встречи с актерами, прогулки по знаменитым паркам и бульварам. Даже собирание библиотеки становится общим делом – и Карамзин и Пушкин вернулись из заграничного путешествия с огромными библиотеками (впоследствии и карамзинская, и пушкинская библиотеки сгорели в московском пожаре 1812 г.).

Карамзин размещает два письма Василия Львовича в своем журнале, несмотря на их явную вторичность и подражательность. Показателен отбор писем. В первом берлинском письме (1803 г., 28 июня) много говорится о Карамзине и его романе:

1. В Риге Василий Львович встречается с женой господина Гая: «Жена его, или, лучше сказать, Грация читала ваше *Путешествие* – натурально, что я говорил о вас; сказал, что вас знаю, что вы меня любите, что накануне отъезда я провел целый день с вами» [11. С. 201];

2. В Данцинге происходит встреча с Господином Пелитром, которому роман также оказался знаком: «*Путешествие* ваше ему очень известно, но похвального слова он еще не имеет» [11. С. 202];

3. В Берлине Пушкин дарит портрет Карамзина господину Коцебу («...я третьего дня у него ужинал; подарил ему портрет ваш, и он благодарил меня чрезвычайно» [11. С. 202]), а впоследствии пьет чай с И. Б. Чудовским, который вспоминает о Карамзине: «Он с удовольствием вспоминает о Вас, и сказал мне, что мы у него пили чай в Дрездене» [11. С. 203].

Пушкину важно отметить европейский резонанс карамзинского романа². Во втором – парижском – письме, датированным 12 сентября 1803 г., имя Карамзина не упоминается, но текст письма выстроен как непрерывный диалог с автором «Писем русской путешественника»: «Не буду говорить о Версалии, великолепном ее дворце и садах, которые вы знаете. Подобно вам, я гулял в Трианоне и наслаждался приятным вечером» [11. С. 207 – 208]. Следуя карамзинским путем, В. Л. Пушкин высказывает собственные суждения, комментирует увиденное «вослед» Карамзину.

Почему Карамзин публикует пушкинские письма? Связано ли это со стремлением молодого писателя еще раз напомнить своим читателям о себе? Думается, что причины подобной публикации находятся за пределами личного писательского тщеславия. Карамзин интуитивно ищет новые литературные стратегии, в результате вокруг его романа возникает целый ряд вторичных авторских текстов – реальных писем, анонсов, комментариев. После закрытия «Московского журнала» Карамзин вынужден публиковать авторецензии в «Spectateur du Nord» в Гамбурге. Роман как бы не имел собственных границ и был распахнут в жизнь. Два письма Василия Львовича «продолжали» карамзинский роман, в очередной раз стирая границы между вымыслом и реальностью. Если в «Письмах русского путешественника» Карамзин уходил от себя, конструируя образ путешественника, то в письмах Пушкина фигура Карамзина вновь обретала реальное бытие. Иными словами, фиктивный путешественник снова становится реальным человеком – адресатом писем, и одним из героев. Можно предположить, что именно этот чисто литературный сюжет и привлек Карамзина, решившего опубликовать «неудачные» опыты своего друга. Однако на этом история европейской поездки не заканчивается. В 1803 г. появляется приписываемое И. И. Дмитриеву «Путешествие NN в Париж и Лондон, писанное за три дни до путешествия» – стихотворение, в герое которого современники узнали Василия Львовича Пушкина.

На сегодняшний день имеется несколько версий датировки и авторской принадлежности дмитриевского текста. Ряд исследователей сходится на мысли, что поэма была написана по следам путешествия. Несомненным доказательством этого утверждения является знаменитый эпизод приема у Наполеона, действительно, имевший место во время заграничной поездки Василия Львовича. В наиболее последовательном виде эта позиция отражена в статье В. Л. Степанова [12]. В то же время имеются и сторонники другой точки зрения, утверждающие обратное – текст был создан до отъезда и стал своеобразным путеводителем (в частности, можно сослаться на работу Трубицына [13]). Наконец, Н. И. Михайлова попыталась доказать, что «Путешествие NN» написано не Дмитриевым, а самим В. Л. Пушкиным после возвращения из путешествия [10]. Сегодня трудно окончательно решить во-

² Заметим, что в действительности «Письма русского путешественника» не имели подобного резонанса, роман не был оценен европейской публикой. См. об этом исследования Т.А. Быковой [3], А.Г. Cross [15].

прос об авторской принадлежности текста (прояснить ситуацию могут только найденные архивные данные). Культура начала XIX в. мифогенна по своей природе, мифы, в том числе и биографические, были способны полностью поглотить собой реальность. Для настоящего исследования, обращенного к жанровой структуре травелога, этот вопрос не является принципиальным, и мы исходим из традиционного понимания, т.е. полагаем, что автором поэмы был И. И. Дмитриев.

«Путешествие NN из Парижа и Лондона, писанное за три дни до путешествия» – это двойная пародия, объектом которой, с одной стороны, является фигура Василия Львовича Пушкина, с другой – роман Н. М. Карамзина «Письма русского путешественника». И. И. Дмитриев был знаком не только с романом, но и с обстоятельствами его публикации. Кроме того, Дмитриев был реальным адресатом многочисленных писем Карамзина из-за границы. Не исключено, что дмитриевский текст был реакцией на жанр травелога, ставший ведущим в русской литературе того времени.

Как известно, значительная часть «Писем русского путешественника» была написана до поездки [7]. Во время реального путешествия ее автор встретился с Европой, которая была ему хорошо известна по журналам и книгам. Иными словами, Карамзин первым реализовал стратегию «путешествия до путешествия», но сама эта стратегия была частью писательской лаборатории и вряд ли входила в авторский замысел. Дмитриев выявил смыслопорождающий потенциал подобной структуры и сделал видимой невидимую прежде форму. Название поэмы прямо указывает на возможную жанровую разновидность травелога. Герой, от лица которого идет речь в «Путешествии NN», пишет свое произведение за три дня до путешествия, после чего совершает реальную поездку по описанным местам. Таким образом, Дмитриев обыгрывает скрытую карамзинскую стратегию. Анонимность шуточного стихотворения показательна – это «незлобная» игра, где за авторской маской скрываются два лика (И. И. Дмитриев и В. Л. Пушкин). Европейское путешествие Василия Львовича началось с игры и стало первым в истории русской культуры литературоцентричным путешествием, т.е. круизом, осуществленным по страницам карамзинского романа. Произошедший в русской культуре начала XIX в. переворот свидетельствовал, что литературный текст стал той первичной реальностью, на которую отныне была ориентирована человеческая личность.

В «Путешествии NN» последовательно обыграны основные принципы построения карамзинского романа. Прежде всего, «маленький журнал» Дмитриева противопоставлен эпистолярному роману Карамзина, отличительной чертой которого была установка на описательность. Подробные описания привели к резкому увеличению объема произведения, ставшего одним из самых больших в русской литературе начала XIX в. По сравнению с «Письмами русского путешественника» произведение Дмитриева характеризуется «легкостью» и изяществом трехчастной структуры.

Дмитриев намеренно изымает из карамзинского романа сюжет, оставляя голую фабулу. Внутренняя интенция травелога – авторские притязания на власть над пространством. В данном жанре пространственные интуиции оказываются первичными, но главной особенностью сентиментального (предромантического) путешествия является его ориентация на постижение времени: пространственные впечатления для карамзинского героя вторичны, в его письмах постоянны размышления о времени. Не случаен в этой связи интерес к руинам, свидетельствующими о преходящей сущности бытия.³ В «Путешествии NN» автор изымает соотносенный с сюжетом временной план, в результате чего конструктивным принципом текста становится принцип каталожного описания. Если Карамзин пользуется перечислительными конструкциями только в нескольких эпизодах (посещение Дрезденской галереи, Версаля, Вестминстерского аббатства и пр.), то Дмитриев строит на подобных перечислениях подавляющую часть своего произведения. При этом описание мест и имен превращается в перечень, в котором, как в калейдоскопе, смешалось вся и всё:

Я видел корпус мамелюков,
Сиеса, Вестриса, Мерсье,
Мадам Жанлис, Виже, Пикара,
Фонтана, Герля, Легуве,
Актрису Жорж и Фиеве;
Все тропки знаю булевара,
Все магазины новых мод... [4. С. 348]

³ О руинном тексте и его функционировании в условиях русской культуры второй половины XVIII века см. исследование Т.В. Зверевой [5].

В результате избранного принципа изображения Василий Львович (или NN) превращается в неумемного поглотителя впечатлений, пытающегося повторить путь Карамзина.

Игра будущим и настоящим временем составляет смысловое ядро дмитриевского текста. Настоящее время – всего лишь иллюзия, автор с самого начала фиксирует условность происходящих событий. Дмитриев наделяет еще не осуществленное путешествие NN всеми признаками реального, порождая иллюзию подлинности. Так, например, в конце второй части, герой неожиданно прерывает писание своего письма на глазах у читателя (прием, ставший впоследствии конструктивным для «Евгения Онегина»):

Я слышу стук!.. никак за мною?
Так точно, наш земляк зовет...
<.....>

Простите! Время одеваться [4. С. 349-350].

Интересна и возникающая в тексте такая форма времени, как «будущее в будущем»:

Чрез месяц, два – я, может статься,
У мачты буду проверять
Виргилиеву грозну бурда;
А если правду вам сказать,
Так я глаза мои зашурю
И промыслу себя вручу.
Как весело! лечу! лечу! [4. С. 350].

Иными словами, в шуточном стихотворении отразилась условность времени. Принципиально субъективное время, всецело зависящее от воспринимающего его субъекта, демонстрировало свою прихотливую игру и подчиняло себе мир. Это одно из важнейших открытий русского предромантизма.

Обращает на себя внимание и то, что Дмитриев уходит от пейзажных описаний, которыми так насыщены «Письма русского путешественника». Дикая природа вызывала восторг в душе карамзинского путешественника, величие природного мира являлось главным доказательством божественного бытия: «Если мне когда-нибудь наскучит свет; если сердце мое когда-нибудь умрет всем радостям общежития; если уже не будет для меня ни одного сочувствующего сердца, то я удалюсь в эту пустыню, которую сама натура оградила высокими стенами, неприступными для пороков, – и где все, все забыть можно, все, кроме Бога и природы» [6. С. 169]; «Я стоял на высочайшей ступени, на которую смертные восходить могут для поклонения всевышнему!.. Язык мой не мог произнести ни одного слова, но и никогда я так усердно не молился, как в сию минуту» [6. С. 199]. Подобными примерами текст «Писем» изобилует. Дмитриев в начале третьей части живописует «бурный пейзаж». Но в отличие от карамзинского путешественника, для которого созерцание природного бытия оборачивалось созерцанием божественного устройства мира, NN видит в «Виргилиевой грозе» угрозу собственной жизни и его охватывает чувство ужаса.

Одна из важнейших авторских установок в «Письмах русского путешественника» – выявление принципиального сходства между Россией и Европой. Путешественник Карамзина наделен избытком знания и зрения, поэтому его преклонение перед европейской культурой было лишено того идолопоклонства, которое охватило значительную часть русского общества. Напротив, смотря на Европу глазами NN, Дмитриев всячески подчеркивает различия между европейской и русской действительностью, при этом оппозиция Европа/Россия оказывается семантически маркированной: жизнь в России приравнивается к «существованию», в то время как Европа наделена признаками подлинности: «Друзья! Сестрицы! Я в Париже! / Я начал жить, а не дышать» [4. С. 348]. (данные строки восходят к знаменитому восклицанию карамзинского путешественника: «И я живу на свете!» [6. С. 196]). Однако в «Письмах русского путешественника» обостренное чувство собственного существования выстрадано и обретено, в то время как для дмитриевского героя сам факт пребывания в Париже явился залогом подлинной жизни. Обилие риторических восклицаний, которыми пестрит шуточное стихотворение, свидетельствует о предельной экзальтации героя. Если путешественник Карамзина испытывает подобные чувства, встречая на своем пути картины величественной природы или созданий искусства, то NN (или Василий Львович) преклоняется пред благами европейской цивилизации:

Я вне себя от восхищенья!
В каких явлюсь к вам сапогах!
Какие фраки! панталоны!
Всеми новейшие фасоны!
Какой прекрасный выбор книг! [4. С. 350]

Чрезвычайно важно, что карамзинское путешествие в первую очередь предполагало «обретение себя»: внешнее путешествие было вторичным, лишь «оболочкой его [героя – Т.З.] “внутреннего” странствия по лабиринту собственной души. Только это второе и является тем подлинным путешествием, которое должен совершить ученик, ищущий источник света» [7. С. 528]⁴. Карамзин, как известно, вернулся из поездки «совершенно изменившимся телом и душой». В сою очередь ирония Дмитриева связана с неизменностью Василия Львовича, который оказывается равным самому себе. Еще Лотман отметил несостоятельность поездки В. Л. Пушкина, пытающегося перевоплотиться в образ карамзинского «русского путешественника» [7. С. 490].

Таким образом, «Путешествие NN» – несомненный отклик на «Письма русского путешественника». Однако при всей степени иронического отталкивания от знаменитого карамзинского романа, Дмитриев одновременно следует за ним. В стихотворении, как и в «Письмах», всячески подчеркнута условность литературного текста. Эпоха предромантизма ориентирована на слияние литературы и жизни, вымысла и реальности. По мнению Лотмана и Успенского, именно установка на стирание границы между этими сферами характеризует жизнь и творчество Карамзина: «...жизнь просматривалась сквозь призму литературы, а литература – сквозь призму быта» [7. С. 486]. Не случайно в начале своего романа Карамзин ссылается на «Тристрама Шенди», а заканчивает «Письма» упоминанием «китайских теорий». Обнажение фиктивной сущности текста – огромный шаг вперед в истории культуры, поскольку только с осознанием собственной природы начинается любое подлинное искусство. Парадоксально, но именно в фиктивных путешествиях русская литература обретала подлинные пути своего развития. Неудачный вояж Василия Львовича Пушкина обернулся большой удачей для русской словесности.

Итак, можно говорить о потенциальной жанровой структуре «путешествия до путешествия» или «будущем путешествии». Благодаря дмитриевскому тексту возникает еще одна жанровая модификация русского травелога. Еще несостоявшееся путешествие указывает на принципиальное отсутствие референтного плана⁵. Однако принципиальное отличие дмитриевского «Путешествия» заключается в том, что за фиктивным путешествием следует реальное, повторяющее путь, прочерченный в литературном тексте. И если Карамзин до конца не осознал действенность и смыслопорождающий потенциал подобной структуры, то Дмитриев обнажил его и сделал прием видимым.

Остается лишь добавить, что «Путешествие NN в Париж и Лондон, писанное за три дни до путешествия» оказало существенное влияние на роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Пушкинский роман в стихах – это, прежде всего, литературный вояж, в том числе и по страницам произведений И. Дмитриева. А образ Василия Львовича, впервые разыгранный Дмитриевым, ляжет в основу поэмы «Граф Нулин»⁶. Знаменательно, что Василий Львович подхватит эту литературную игру и уже по «онегинским» и «нулинским» следам напишет стихотворную повесть «Капитан Храбров», но это уже совсем другая история.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анненков П. В. Пушкин в Александровскую эпоху. Минск: Лимариус, 1998. 360 с.
2. Банах И. В. Структура повествования в жанре путешествия (на материале русской литературы конца XVIII – первой трети XIX вв.). Гродно, 2005. 132 с.

⁴ См. подробно о травелоге как ритуале и посвящении в работе А. Шенле [14].

⁵ Заметим, что «воображаемое путешествие» в наиболее чистом виде воплотилось впоследствии в «Страннике» А. Ф. Вельтмана. Эта линия русской литературы неизбежно вела к кризису жанра, поскольку отнимала у него один из системообразующих признаков – реальный образ пространства. По верному замечанию И. В. Банах, «...сентиментальное путешествие “изживало” себя своими же собственными возможностями, разрушая само представление о событии в путешествии как изменении исходной топологической структуры, и явило образец бесфабульного повествования – путешествия без путешествия» [2. С. 79].

⁶ Впервые вопрос о творческом диалоге между А. С. Пушкиным и И. И. Дмитриевым был поставлен Г.П. Макогоненко: [9].

3. Быкова Т. А. Переводы произведений Карамзина на иностранные языки и отклики на них в иностранной литературе // XVIII век. Сб. 8. Л.: Наука, 1969. С. 324-342.
4. Дмитриев И. И. Полн. собр. стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1967. – 501 с.
5. Зверева Т. В. Взаимодействие Слова и пространства в русской литературе второй половины XVIII века. Ижевск: Удм. ун-т, 2007. 323 с.
6. Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Повести. М.: Правда, 1980. 608 с.
7. Лотман Ю. М. Театр и театральность в строе культуры начала XIX века // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Т. 1. Таллинн: Александра, 1992. С. 269-286.
8. Лотман Ю. М. Успенский Б.А. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Лотман Ю.М. Карамзин. – СПб: Искусство-СПб., 1997. С. 484-564.
9. Макогоненко Г. П. Пушкин и Дмитриев // Русская литература. 1966. № 4. С. 19-36.
10. Михайлова Н. И. «Парнасский мой отец». М.: Сов. Россия, 1983. 193 с.
11. Пушкин В. Л. Стихи. Проза. Письма. М.: Сов. Россия, 1989. 368 с.
12. Степанов В. П. Заметки о В. Л. Пушкине // Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1983. Т. 11. С. 250-267.
13. Трубицын Н.Н. Из истории поездки Василия Львовича Пушкина за границу (1803 – 1804) // Пушкин и его современники. Вып. XIX–XX. Пг, 1914. С. 242-269.
14. Шенле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий. 1760 – 1840. СПб.: Академический проект, 2004. 272 с.
15. Cross A.G. N.M. Karamzin. A Study of his Literary Career. 1783–1803. London; Amsterdam, 1971. P. 94-95.

Поступила в редакцию 27.02.2018

Зверева Татьяна Вячеславовна, доктор филологических наук, профессор
 ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
 426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2)
 E-mail: tvzver.1968@yandex.ru

T.V. Zvereva

“UNMALICIOUS JOKE” BY I. I. DMITRIEV: ON THE GENRE VERSION OF RUSSIAN TRAVELOGUE

The article is devoted to the problem of a genre version of Russian travelogue. The author of the article investigates I.I. Dmitriev's comic poem “Travel of NN to Paris and London, written three days before travel”. This text is “a double parody”, the object of which is both V.L. Pushkin's European travel and N.M. Karamzin's novel “Letters of a Russian traveler”. Dmitriev has used principles of construction of Karamzin's novel (first of all, his attitude to the primacy of fiction). Vasily Lvovich's European travel has begun with a joke. This travel is the first literary travel in the history of Russian culture. Absence of a referential plan finds out fictitious character of the described travel. But V.L. Pushkin's fictitious travel was followed by a real trip. The real trip has repeated a way drawn in Karamzin's novel. Karamzin has not understood an effective potential of such structure. Dmitriev has bared this trick and made it visible for a reader.

Keywords: travelogue, genre, preromanticism, parody, mystification.

REFERENCES

1. Annenkov P.V. Pushkin v Aleksandrovskuyu ehposhu [Pushkin during the Aleksandrovsky epoch]. Minsk, 1998. 360 s. (In Russian).
2. Banah I.V. Struktura povestvovaniya v zhanre puteshestviya (na materiale russkoj literatury konca XVIII – pervoj treti XIX vv.). [Narration Structure in a travel genre (on a material of the Russian literature of the end XVIII – first third XIX centuries)]. Grodno, 2005. 132 p. (In Russian).
3. Bykova T.A. Perevody proizvedenij Karamzina na inostrannye yazyki i otkliki na nih v inostrannoj literature [Perevody of products Karamzin on foreign languages and responses to them in the foreign literature] //// XVIII vek [XVIII-th century]. Sb. 8. L., 1969. P. 324-342. (In Russian).
4. Dmitriev I.I. Poln. sobr. stihotvorenij [Poems]. L., “Sov. pisatel' 1967. 501 p. (In Russian).
5. Zvereva T.V. Vzaimodejstvie Slova i prostranstva v russkoj literature vtoroj poloviny XVIII veka [Interaction of the Word and space in the Russian literature of second half of XVIII-th century]. Izhevsk [Izhevsk: Udmurt. un-t.], 2007. 323 p. (In Russian).
6. Karamzin N.M. Pis'ma russkogo puteshestvennika. Povesti [The Letter of the Russian traveler]. M., Pravda 1980. 608 p. (In Russian).

7. Lotman JU. M. Teatr i teatral'nost' v stroe kul'tury nachala XIX veka [Theatre and theatricality in a system of culture of the beginning of a XIX-th century] // Lotman Ju.M. Izbrannye stat'i [Selected articles]. Tallinn: Aleksandra, 1992. P. 269-286. (In Russian).
8. Lotman JU.M. Uspensky B. A «Pis'ma russkogo puteshestvennika» Karamzina i ih mesto v razvitii russkoj kul'tury [«Letters of the Russian traveller» Karamzin and their place in development of Russian culture] // Lotman Ju. M. Karamzin [Karamzin]. SPb: Iskusstvo-SPb, 1997. P. 484-564. (In Russian).
9. Makogonenko G.P. Pushkin i Dmitriev [Pushkin and Dmitriev] // Russkaya literature [The Russian literature]. 1966. № 4. P. 19-36. (In Russian).
10. Mihajlova N. I «Parnasskij moj otec» [«Parnassky my father»]. M.: Sov. Rossiya, 1983. 193 p. (In Russian).
11. Pushkin V. L. Stihi. Proza. Pis'ma [Verses. Prose. Letters]. M.: Sov. Rossiya, 1989. 368 p. (In Russian).
12. Stepan V.P. Zametki o V. L. Pushkine [Zametki about V.L.Pushkin] // Pushkin: Issledovaniya i materialy [Pushkin: Researches and materials]. L.: Nauka, Leningr. otd-nie , 1983. T. 11. P. 250-267. (In Russian).
13. Trubitsyn H.H. Iz istorii poezdki Vasiliya L'vovicha Pushkina za granicu (1803 – 1804) [From history of a trip of Vasily Lvovicha Pushkin abroad (1803–1804)]// Pushkin i ego sovremenniki [Pushkin and its contemporaries]. Vyp. XIX XX. Pg, 1914. P. 242-269. (In Russian).
14. Shenle A. Podlinnost' i vymysel v avtorskom samosoznanii russkoj literatury puteshestvij. 1760–1840 [Podlinnost and fiction in author's consciousness of the Russian literature of travel. 1760 – 1840]. SPb., 2004. 272 p. (In Russian).
15. Cross A.G. N.M. Karamzin. A Study of his Literary Career. 1783 – 1803 [N/M/ Karamzin. A Study of his Literary Career. 1783–1803]. London; Amsterdam, 1971. P. 94-95. (In English).

Received 27.02.2018

Zvereva T.V., Doctor of Philology, Professor
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: tvzver.1968@yandex.ru